

— Он... Он прислал мне, — сказала Гермиона, протягивая письмо. Я взял кусок пергамента в руки. Он был мокрый, слезы капали на слова, и чернила так расплылись, что некоторые слова оставалось только угадывать. Да уж, а мой-то почерк, в сравнении с его — вообще каллиграфический. На листе было написано:

Дорогая Гермиона!

Мы проиграли дело. Но мне разрешили взять его в Хогвартс. День казни будет назначен Клювику позже. Лондон нам очень понравился. Никогда не забуду, как ты нам помогала.

Хагрид.

— Они не посмеют, — сказал я, пытаюсь её утешить, — Не посмеют. Клювик не опасен.

— Это все отец Малфоя! — возмущалась Гермиона, вытирая слезы, — Он запугал комиссию, этих старых глупых болтунов. Они его боятся. Конечно, можно подать апелляцию, но... Вряд ли это поможет. Приговор все равно оставят в силе.

— Не оставят! — горячо возразил Рон, идущий к нам, — Ты больше не будешь заниматься этим одна. Я тебе помогу, Гермиона.

— Ох, Рон!

Гермиона, чуть ли не в обмороке, бросилась ему на шею. Рон сконфузился и стал неловко поглаживать Гермиону по голове. Наконец, к Гермионе вернулись силы, и она выпустила Рона из объятий.

— Мне, Рон, правда, правда очень жалко Коросту, — рыдала она. Напомню, «кот Гермионы благополучно схомячил Коросту, вследствие чего они поссорились и долгое время не разговаривали».

— Ну ладно, ладно, — успокаивал её Рон, явно счастливый, что Гермиона отпустила его, — Короста была очень старая. И в общем-то, от нее было мало проку. Кто знает, вдруг мама с папой позволят мне теперь завести сову.

Из-за мер безопасности, введенных после второго появления Блэка, мы с Гарри, Роном и Гермионой не могли по вечерам навещать Хагрида. Теперь мы беседовали с ним только после уроков ухода за магическими существами, чем сейчас и занимаемся.

Суровый приговор подействовал на него как удар молнии.

— Эт моя вина, — говорил он как никогда косноязычно, — Я... ить весь онемел. А они таки важны, во всем черном. Я... это... значит, совсем запутался. Пергамент из рук валится... К тому же Люциус Малфой встал и давай их, знамо дело, дурить. Чо он сказал, то они и решили.

— Ладно, подадим апелляцию! — кипел Рон, — Не сдавайся. Мы уже этим занимаемся.

Хагрид сопровождал класс в замок. Впереди, сразу перед нами, шел Майкл. Бойд, издевательски смеясь, то и дело оглядывался.

— Навряд ли поможет, Рон, — грустно покачал головой Хагрид, — Поди-кось с ними справься. Комиссия у Малфоя в кулаке. Я вот чо думаю: пусть у Клювика последние-то денечки будут самые что ни на есть вольготные. Мой это долг...

С этими словами Хагрид повернул обратно в хижину, спрятав лицо в огромный носовой платок.

— Ха-ха-ха! Разревелся! — Малфой (НЕОЖИДАННО) с неизменными спутниками стояли, прислушиваясь, в главных дверях замка, — Вы видели что-нибудь более жалкое?! — воскликнул Малфой, — И это наш учитель!

Я с Гарри и Роном бросились к Малфою, но Гермиона нас опередила. Хлоп! Размахнувшись, она изо всех сил ударила Малфоя по щеке. Малфой покачулся.

Гарри, Рон и Крэбб с Гойлом остолбенели. Да, она опасная, когда в гневе. А тем временем Гермиона размахнулась ещё раз.

— Не смей так говорить о Хагриде, ты, злобная дрянь...

— Гермиона! — севшим голосом проговорил Рон, пытаясь отвести занесенную руку Гермионы.

— Не мешай, Рональд! — Гермиона вынула волшебную палочку. Малфой сделал шаг назад, Крэбб и Гойл, онемев, ждали распоряжений.

— Пошли, — буркнул Малфой. Компания вошла в замок и устремилась к лестнице, ведущей в подвалы.

— Гермиона! — еще раз повторил Рон, не находя слов от восторга и удивления.

— Гарри, ты должен, должен выиграть финальный матч! — не могла успокоиться Гермиона, — Я не перенесу если мы проиграем.

— Да, Гарри. Я не прощу, если ты проиграешь змеям, хоть я и из Когтеврана, — поддакнул я.

— У нас сейчас Заклинания, — напомнил Рон, всё ещё таращась на Гермиону, — Идемте скорее, а то опоздаем.

Почти бегом все мы бросились по мраморной лестнице в класс профессора Флитвика.

— Вы опоздали, молодые люди, — слегка укорял нас профессор, — Садитесь скорее, доставайте палочки. Мы сегодня поупражняемся с Веселящими чарами. Все уже разбились на пары.

Мне пары не нашлось. Придётся к ребятам идти. Мы с Гарри и Роном пошли в конец класса, сели за последний стол и открыли сумки.

— А где Гермиона? — спросил Рон, оглядев класс. Гарри тоже огляделся. Гермионы в классе не было.

— Как странно, — сказал Гарри Рону, — Может, она забежала в туалет?

Но Гермиона так на уроке и не появилась. Этот маховик до беды её доведёт... Но позже и к спасению двух жизней.

— Ей пошли бы на пользу Веселящие чары, — пошутил Рон по дороге в Большой зал. Мы шли на обед в превосходном настроении, лица у всех сияли.

Но Гермиона не пришла и на обед.

Позже, конечно же, она нашлась.

\*Прошло время\*

В пасхальные каникулы никакого отдыха не получилось. Третьекурсникам по всем предметам задали горы домашних заданий. Невилл Долгопупс был на грани нервного срыва. И не он один.

— И это называется каникулы! — взорвался я на третий день. Барьеры я использовать не мог, ибо я пропаду у всех из виду и ребята будут волноваться. Да и негде... — Экзамены ещё через сто лет! О чем только они себе думают!

— Ни кги, — пролепетала Алиса. Она уже довольно хорошо разговаривает. Не идеально, конечно, но понятно.

Труднее всего приходилось Гермионе. Даже без прорицания, с которого она недавно ушла, у неё было несравненно больше предметов, чем у нас всех. Вечером она последняя покидала гостиную, наутро первая приходила в библиотеку. Под глазами у неё были синяки, как у Люпина, а глаза то и дело на мокром месте.

Рон засел за подготовку апелляции. Клювокрыла надо было спасать, причём срочно.

Покончив с очередной порцией своих уроков, он брал толстенные тома с увлекательными названиями «Психология гиппогрифов», «Дичь или хищник? Исследование злобности гиппогрифов» и уходил в них с головой, забыв даже про свою ненависть к коту Гермионы — Живоглоту.

Гарри подстраивал выполнение домашних заданий к расписанию тренировок и бесконечным напутственным беседам Оливера Вуда. Матч Гриффиндора со Слизерином был назначен на первое воскресенье после каникул. Сейчас слизеринцы опережали все команды на двести очков. А это значило, что гриффиндорцы выиграют Кубок только в том случае, если наберут большее количество очков, о чём Вуд без конца им напоминал. Стало быть, победа во многом зависела от Гарри: только он может, поймав снитч, принести команде сразу сто пятьдесят очков.

К концу каникул отношения между командами и факультетами достигли точки кипения. То и дело в коридорах возникали мелкие стычки, вылившиеся в грандиозное сражение между четверокурсником из Гриффиндора и шестикурсником из Слизерина. В результате обоим пришлось отправить в больничный отсек — у них из ушей полез лук.

Хуже всего приходилось Гарри. Слизеринцы подставляли ему подножки, да так, чтобы он обязательно упал. Крэбб с Гойлом пытались атаковать его, куда бы он ни пошел, но, увидев его в окружении команды, сейчас же отступали. Вуд распорядился, чтобы Гарри никуда не ходил один, на случай, если слизеринцы решат вывести его из игры накануне матча. Теперь Гарри, окруженный возбужденной толпой, то и дело опаздывал на уроки.

Так размеренно, со своими мелкими происшествиями и весёлыми случаями, проходили дни в Хогвартсе. Пока не случилось кое-что, что выбило меня из колеи спокойных дней...

Я, после тяжёлого учебного дня, протиснулся в библиотеку. Надо ещё дописать тот конспект по зельям...

Там, кроме Гарри, Рона и Гермионы уже никого не было.

— При... — начал было я, но, увидев их лица, осекся на полуслове.

— Клювокрылу конец, — тихо произнес Рон, — Смотри, что прислал Хагрид.

На сей раз послание не было залито слезами, пергамент сух, но рука лесничего тряслась так, что разобрать написанное было почти невозможно.

Проиграл апелляцию. Казнь на закате. Вы ничего не можете сделать. Не приходите. Не хочу, чтобы вы это видели.

Хагрид.

— Мы обязаны пойти, — немедленно решил я, — Нельзя допустить, чтобы он сидел и в одиночестве ждал палача!

— Да, но ведь на закате... — Гарри уныло посмотрел в окно, — Нам ни за что не позволят...

Гарри уткнул подбородок в ладони и, подумав, сказал:

— Вот если бы достать мантию-невидимку...

— А где она? — оживился я. Гарри сказал мне где — в тоннеле под статуей одноглазой ведьмы.

— ... Так что если Снегг еще раз засечет меня где-то поблизости, неприятностей у меня будет!.. — заключил он.

— Это точно, — согласилась Гермиона, вставая, — Но это если он засечет тебя... А как этот горб открывается?

— Очень просто... — Гарри еще не понимал, к чему она клонит, — Стукнешь по нему волшебной палочкой и говоришь «Диссендиум». Но...

Гермиона не стала дожидаться конца фразы. Пересекла быстрым шагом библиотеку, толкнула входную дверь и исчезла за ней.

— Она что, за мантией? — удивился Рон.

— Да, именно так она и поступила. Сильная она, правда, пока что только морально.

— Алан, ты говоришь как старый дед!

Спустя четверть часа Гермиона вернулась. У нее под мантией было спрятано аккуратно сложенное серебристое одеяние. Рон был потрясен:

— Гермиона, что с тобой творится в последнее время? Ударила Малфоя, поскандалила с профессором Трелони...

Гермиона была явно польщена. После ужина мы не вернулись вместе со всеми в башню, а поспешили в холл. Гарри сунул плащ под мантию и шел, прижав руки к животу чтобы прикрыть образовавшийся бугор. Мы прокралась в чулан, примыкавший к холлу, и затаились, ожидая, когда холл опустеет. Вот донесся звук шагов, хлопнула дверь... Я осторожно выглянул.

— Порядок, — шепнул остальным, — Никого. Надевайте мантию...

— А ты? — спросила меня тройца одновременно.

— Буду ползти отдельно. Если что-то случиться, то сразу отвлеку того, кто это будет. Запасной план, так сказать.

— Хорошо, будь осторожен, — прошептал мне воздух голосом Гарри. Больше я их не видел, замечал только кусочек рук или подошву ботинок.

По пути нам никого не встретилось. А солнце уже коснулось Запретного леса, позолотив верхушки деревьев. Добравшись до хижины, я постучал в дверь. Хагрид откликнулся не сразу. Наконец дверь отворилась, на порог вышел бледный и дрожащий лесничий и оглядел меня изумлённым взглядом.

— Это мы, — чуть слышно произнес Гарри, — под мантией-невидимкой. Впусти нас скорее, мы её снимем...

— Эх, не след бы вам приходить, — вздохнул великан, но все же посторонился, и мы оказались внутри. Хагрид тут же захлопнул дверь, и Гарри сбросил мантию с себя и друзей.

Хагрид не рыдал, не бросился друзьям на шею, он просто выглядел совершенно потерянным, не знал, что делать, что говорить. Смотреть на его беспомощность было во сто крат тяжелее, чем на потоки слёз прекрасной дамы.

— Может, это... чаю хотите? — предложил он, но его громадные ручки дрожали, и он никак не мог совладать с чайником.

— А где Клювокрыл? — нерешительно спросил я.

— Я... я вывел его в огород, — пробормотал Хагрид. Наливая в кувшин молоко, он половину пролил на стол, — Привязал его... там, на тыквенной грядке. Пусть он... это... в общем... посмотрит на деревья, вдохнет свежий воздух... перед тем, как...

Тут руки Хагрида затряслись так отчаянно, что кувшин выскользнул и осколки разлетелись по всему полу.

— Я сейчас все уберу, Хагрид, — Гермиона бросилась наводить порядок.

— Там, в шкафу, еще один есть, — Хагрид тяжело опустился на скамью, вытирая со лба рукавом пот. Я взглянул на Гарри, в ответном взгляде не было никакой надежды. Я сел рядом с Хагридом.

— Неужели мы ничего не можем сделать?! — голос случайно сорвался в крик, — А Дамблдор...

— Он пытался, — ответил Хагрид, — Но против комиссии нет... это... их ему не пересилить. Он сказал им: Клювик не взбесился, но их там застрашал этот... как его... А этот палач... как его... Макнейр... они с Малфоем... старые дружки... Но вроде все будет быстро... и сразу начисто... И я буду рядом...

Хагрид шумно сглотнул. Он обвел взглядом хижину, как будто искал хотя бы лучик надежды или утешения.

— Дамблдор х-хочет сам прийти... ну, то есть присутствовать на этом... этой... прислал сегодня утром письмо, короче. Говорит, хочет быть со мной... в это время... Великий человек...

Гермиона, которая все еще искала в шкафу другой кувшин, сдавленно всхлипнула.

— Мы тоже останемся с тобой, Хагрид, — заговорила она, вернувшись к столу с найденным кувшином.

— Нет, — затряс лесничий косматой головой, — Вы вернетесь в замок. Я же...

Взяв бутылку с молоком, чтобы плеснуть в кувшин, Гермиона неожиданно вскрикнула:

— Рон! Гляди! Это Короста!

— Что, что? — Рон непонимающе посмотрел на неё. Гермиона поднесла кувшин к столу, перевернула. Оттуда с возмущенным писком, из последних сил цепляясь за гладкий фарфор, вывалилась старина Короста.

— Короста... — растерянно произнес Рон, — Короста, что ты здесь делаешь?

Он схватил сопротивляющуюся крысу и вынес её на свет. Выглядела она ужасно — ещё больше исхудала, шерсть лезла клочьями, оставляя обширные плеши; в руках Рона она яростно извивалась, стараясь вырваться на свободу.

— Все в порядке, Коросточка, — уговаривал ее Рон, — Тут нет кошек. Никто тебя не тронет!

Хагрид внезапно вскочил, глаза устремились к окну. Его обычно багрово-красное лицо сделалось пергаментно-бледного цвета.

— Идут...

Мы все синхронно, одним разом обернулись. Вдалеке, по лестнице замка, спускались несколько человек. Впереди шел Альбус Дамблдор, чья серебряная борода сверкала в лучах заходящего солнца. Рядом семенил Корнелиус Фадж, за ними браво вышагивал палач в балахоне, позади всех тащился дряхлый представитель комиссии.

— Уходите скорее, — сказал Хагрид. У него, казалось, дрожала каждая жилка, — Не должны они вас тут видеть... идите... сей же миг...

Рон затолкал Коросту в карман, а Гермиона схватила мантию. Хагрид тяжело вздохнул:

— Я вас выведу через второй ход...

Все пошли к двери, выходящей в огород позади дома. Я испытывал странное чувство нереальности происходящего, которое возросло ещё больше, когда в нескольких ярдах от себя увидел Клювоткрыла, привязанного к дереву за грядкой с тыквами. Гиппогриф, казалось, догадывался, что творится неладное: он поводил из стороны в сторону массивным клювом и беспокойно рыл землю когтями.

— Все в порядке, Клювик, всё в порядке, — ласково обратился к нему Хагрид, потом повернулся к друзьям:

— Торопитесь, скорее...

Но они были не в силах сдвинуться с места.

— Мы не уйдем... — начала Гермиона.

— Мы им расскажем, как все было на самом деле... — продолжил я.

— И они не посмеют убить его! — закончили мы все синхронно.

— Идите! — взревел Хагрид, — Хватает бед и без ваших неприятностей!

Выбора не оставалось. Едва Гермиона накинула мантию на Гарри с Роном, у двери хижины послышались голоса. Хагрид взглянул на пустое место, где они только что исчезли из глаз, а потом посмотрел на меня.

— Бегите быстрее, — севшим голосом велел он, — Не слушайте... — И зашагал обратно в дом — в дверь уже стучали.

Медленно, словно в дурном сне, мы побрели вокруг избышки Хагрида, и только обогнули хижину, передняя дверь с треском захлопнулась.

Пошли к замку вверх по склону лужайки; солнце быстро опускалось, все небо окрасилось в бледно-пурпурный цвет, но на западе еще пылал рубиново-красный отсвет. И тут я услышал жалобный писк.

Крыса Рона визжала так, словно её резали, но все же звуков в огороде Хагрида она, конечно, не могла заглушить. Сначала мешанина мужских голосов, затем тишина, и вдруг неожиданно — то, что ни с чем не спутаешь — короткий свист и глухой удар топора.

Гермиона пошатнулась.

— Нет... не может быть! — почти беззвучно выдохнула она, — Как они посмели...

Примечание.

В будущем будет ОЧЕНЬ МНОГО канонных ситуаций (не в этой главе / году, а в принципе в дальнейшем повествовании), многие диалоги / описания / события будут описаны из книг и расписаны так, что в них будет вставлен наш Алан. Так что просьба не писать об этом в комментариях, знаю, каюсь. Пока ещё трудно писать полностью своё, но я постараюсь.

<http://tl.rulate.ru/book/9852/228633>